

ОТЗЫВ

**на диссертацию Адыгамова Рамиля Камиловича на тему:
«Богословско-правовая мысль татар Поволжья и Приуралья
в конце XVIII – начале XX в.: история развития и тенденции
обновленчества в мусульманской умме»**

**на соискание ученой степени доктора исторических наук
по специальности 5.6.1. – Отечественная история
(исторические науки)**

Представленное диссертационное исследование затрагивает сложную и значимую для академической науки и практики российских государственно-исламских взаимоотношений тему.

Современное мировое и отечественное исламоведение уделяет повышенное внимание изучению правовых практик, сложившихся в различных «мусульманских» частях Российской империи, их сопряжению с правовыми нормами и языком, в самом широком смысле слова, отечественной бюрократии, на анализ гибридизации юридических процедур и взаимовлияния законов и обычаев (адата). Активно изучается влияние фетвотворчества и деятельности Оренбургского магометанского духовного собрания на «исламский дискурс под русским господством» (М.Кэмпер). Представленная работа призвана расширить представления о развитии богословской мысли российской мусульманской уммы в исторической ретроспективе.

Изучение исламской правовой культуры и бытования шариата как его ядра, вопросы исторической адаптации шариатских норм к правовым нормам российского государства, имеют большую практическую ценность. На важность предотвращения ценностного конфликта на этой почве постоянно обращают внимание специалисты по исламскому праву: «Мусульмане тоже должны учитывать ценности, которые преобладают в конкретном обществе. И если в нем принято разрешать конфликты правовыми способами, мусульмане должны этому следовать», – пишет ведущий российский исследователь в области исламского права Л. Сюкияйнен в одной из своих публикаций.

Диссертантом актуальность тематики преподносится через призму острых общественно-политических проблем современности, связанных с нейтрализацией негативных последствий глобализации. Задействован популярный сегодня утилитарный подход в понимании феномена историко-культурного наследия и духовного наследия как его неотъемлемой части. Когда, в ключе секьюритизации, духовные традиции рассматриваются как инструменты охранения культурной, национальной идентичности от внешних вызовов и угроз, и кажется, что они могут стать

успешным орудием для идеологического противостояния внешнему и внутреннему врагу.

Более убедительным обоснованием актуальности тематики исследования нам представляется идейная полемика между традиционалистами и реформистами-обновленцами, которая внешне утратила былую остроту, но проявляет себя в различных формах на всем протяжении интеллектуальной деятельности мировой и российской мусульманской уммы. На это также указывает диссертант. Современные исследования демонстрируют, что и в настоящее время столкновение богословских нарративов крупнейших отечественных муфтиятов идет по линии исторически сформировавшегося «разлома» между кадимистами и джадидами, т.е. во многом по вопросам развития идей таклида и иджтихада, которые ставятся диссертантом в центр научной проблемы исследования.

Диссертация состоит из четырех глав, введения и заключения. Автореферат отражает основное содержание диссертации.

Введение и заключение научно-квалификационной работы демонстрируют, что исследователь помещает свой интеллектуальный продукт в парадигму текущей татарстанской этнополитики, важным элементом идеологической конструкции которой являются действующие исламские акторы и институции. Отнюдь не случайно одним из выводов диссертанта является подтверждение важности исторической роли татарских богословов в качестве хранителей национальной идентичности. На с.347 заключения (здесь и далее нумерация страниц диссертации – Ю.Г.) ислам прямо называется основополагающей силой, влияющей на все сферы жизни татарского социума. С этим трудно не согласиться.

Как и актуальность, практическая значимость работы не нуждается в пространных доказательствах. Как отмечает диссертант, «полученные результаты могут быть полезны как для работы в системе Духовных управлений мусульман РФ в целом, так и в деятельности некоторых государственных структур» (с.24). От себя добавим, что в текущей конфигурации государственно-исламских отношений и государственной политики в отношении мусульманской уммы России, а также при существующих форматах взаимодействия между муфтиятами, отдельные результаты исследования в области отечественного исламского права могут помочь в проработке механизмов социализации российского ислама, воспитания мусульманской молодежи. Исследовательский подход, нацеленный на адаптацию шариата к нормам действующего российского права, имеет приоритетное значение для поддержания и коррекции текущих основ государственно-исламского взаимодействия, для развития российского исламского образования.

Следует отдать должное автору в реальной, не голословной, практикоориентированности его труда. Очевидно, сказывается опыт работы Р.К. Адыгамова в образовательной сфере, в организациях в системе Духовного управления мусульман Республики Татарстан. Исследователь владеет современными богословскими сюжетами, знает изнутри специфику идейной полемики, убедительно освещает актуальные для российского мусульманского социума проблемы шариатской догматики и практики по самому широкому спектру вопросов: от ношения платков до отношения к ваххабизму. Это помогает диссертанту углубляться в предысторию этих проблем с учетом широкого видения исторических наработок зарубежного и российского богословия, что, свою очередь, позволяет максимально обстоятельно фундировать собственные теологические исследования, ведущиеся им, судя по перечню публикаций, с 2005 года. И, что особенно важно, позволяет внедрять результаты теоретизирования на практике.

Наблюдая глобальные (исламский мир) и локальные (Волго-Уральский регион) социальные процессы в их динамике с момента зарождения обновленческого дискурса в исламском богословии до сегодняшнего дня, обладая широкой практикой теологической, богословской деятельности, диссертант может себе позволить компаративный анализ, помещающий конфессиональную правовую традицию волго-уральских татар в общемусульманский контекст. Данную диссертацию можно расценивать как попытку вывести отечественное мусульманское богословие из «аула» на мировую арену, проследив идейную преемственность и разрыв, специфическое и общее в работе мысли богословов Волго-Урала и их единоверцев в других частях мира. Это выгодно отличает данную работу от иных трудов, посвященных проблемам обновленчества.

Думается, что глубокая практическая погруженность диссертанта в богословскую среду и образовательную деятельность в области подготовки религиозных деятелей определяет в большей степени практическую составляющую работы, придает диссертации выраженный прикладной характер.

Диссертант вполне справедливо отмечает важность корректного выбора и приверженности определенных методологических позиций. Методологический раздел работы выглядит вполне проработанным, когда речь идет об общенаучных и специальных методах исторического исследования, принципах исторической науки. При этом Р.Адыгамов, опираясь, но, не ограничиваясь теологическим инструментарием, фактически оставляет открытым вопрос о задействовании конкретной методологической концепции, способной стать объяснительным инструментом изучаемых процессов. Упомянутый автором ценностный

подход, безусловно, важен для трактовки вектора духовно-нравственных ориентиров религиозной элиты региона, но, наш взгляд, не достаточен для приращения научного знания о предмете исследования. Представляется, что научные изыскания диссертанта лежат в плоскости интеллектуальной истории, методологический аппарат которой вполне соответствует проблематике и материалам исследования.

Известные ограничения, на наш взгляд, также проистекают и из лимитированного использования наработок современного зарубежного исламоведения. В последние десятилетия опубликовано значительное количество работ, которые рассматривают различные аспекты бытования шариата в правовом поле Российской империи. Достаточно упомянуть европейских, американских ученых Роберта Крюза, Паоло Сартори, Джеймса Мейера, Майкла Кэмпера, Розалию Гарипову и других, а также крупных российских специалистов (Альфрида Бустанова, Владимира Бобровникова, Шамиля Шихалиева и других). Некоторые работы этих авторов диссертантом упомянуты, но, очевидно, следовало более активно полемизировать с ними на страницах исследований, тем самым, включая результаты своих исследований в мировой историографический контекст. Тем более, судя по тексту диссертации и публикациям, у диссертанта есть оригинальные источниковые материалы и собственное мнение по теме трансформации татарской богословско-правовой мысли.

Новизна работы состоит в стремлении провести деконструкцию идейного наследия татарского богословия второй половины XVIII – начала XX веков на предмет его соответствия социально-экономическим, общественно-политическим запросам государства и общества. Это делается с учетом оригинальных источников, с применением собственных глубоких богословских знаний для понимания различных аспектов развития татарского социума в указанный период. Новизна также обеспечивается привлечением значительного числа трудов по проблемам иджтихада и шариатских норм зарубежных и отечественных богословов, теологов, светских ученых.

Таким образом, работа носит ярко выраженный междисциплинарный характер. Сильные стороны исследования связаны с теологической оптикой оценки процессов – предпринят анализ богословских трудов отечественных богословов Волго-Урала, многие из которых написаны либо в духе классического усул ал-фикха, либо со ссылкой на принципы этой науки, что придает работе очевидную научную ценность.

Вместе с тем полагаем, что отдельные моменты диссертации требуют разъяснения в процессе защиты.

Представляется, что объект и предмет исследования следовало сформулировать более скрупулезно: в текущей формулировке они распространяются на всю палитру взглядов, хотя в теме диссертации

акцент сделан, прежде всего, на обновленческий богословский дискурс. Формулировки задач, на наш взгляд, также могли быть более тесно связаны с темой диссертационного исследования в ключе соотношения традиционных и обновленческих начал. Неточность формулировок обращает на себя внимание и в случае с квалификацией правовых вопросов как предмета исследования. Если в научной проблеме фигурируют «методологические приемы и решения по частным вопросам исламского права» (с.26 введения), то в объекте (с.10) и других разделах введения – «основные и частные» (с.10), «методологические и частные» (с.28) вопросы исламского права.

Без четкого пояснения о сущности и взаимозаменяемости употребляются понятия «возрождение (с.10), «возрожденчество» (с.4); «национальные традиции» и «народные традиции» (с.3, 5). Во введении следовало дать однозначную трактовку понятий «традиция» и «модернизм» (с. 13, в формулировке задач), «традиционалистское и обновленческое движение», «консерватизм» и «возрожденчество» (с.4), «реформаторство», а также соотношение и сопрягаемость понятий «возрожденчество», «обновленчество», «реформаторство», которое вынесено диссертантом в заголовок работы, и очевидно является одной из ключевых дефиниций в истории российского ислама и богословской мысли XIX–XX веков. Тоже можно сказать о характеристиках татарских религиозных мыслителей как «теологов» и «богословов».

На наш взгляд, несбалансированность терминологии является производной отсутствия жесткого методологического каркаса и сдержанности диссертанта, явно не желающего вступать на научное поле чрезвычайно дискуссионной темы взаимоотношений реформаторства/обновленчества/джадидизма и традиционализма/кадимизма. С другой стороны, на это влияет и теологическая оптика исследования, которая, к примеру, помогает диссертанту убедительно обосновать разделение понятий «джадидизм» и «реформаторство».

Хронология, на наш взгляд, также требует пояснения. Если в названии диссертации фигурирует конец XVIII – начало XX века, то в цели и в научной проблеме верхняя хронологическая рамка указана как вторая половина XVIII века. Очевидно, что за основу берется устоявшаяся в отечественной историографии хронология, отражающая период зарождения и развития обновленческих тенденций с мусульманском сообществе Волго-Урала, прервавшаяся с началом революции 1917 года. Можно приветствовать выход за хронологические рамки, когда решалась задача обзора истории исламского права (глава 2) или анализировались текущие процессы первой трети XXI века, однако это требовало специального и подробного разъяснения в соответствующем разделе

работы. То же самое можно сказать в отношении материалов второй половины XVI – начала XVII веков, содержащихся в параграфе 4.1.

Не свободна от недочетов и хронология заключения диссертации. Опираясь на анализ методологии исламской правовой мысли, диссертантом вводятся хронологические подразделы внутри общей хронологии, ранее, во введении, никак не обозначенные. Первый этап (вторая половина XVIII – начало XIX века) маркируется как период концентрации богословов на проблемах богослужения с опорой на богословскую аргументацию, как периода предъявления однозначно высоких требований к муджтахиду. Второй (начало – середина XIX века) – переход к идее об абсолютном иджитхаде, опора на основные источники ислама с привлечением данных естественных наук. Наконец, третий этап (конец XIX – начало XX века) характеризуется переходом от богослужебных к социально-экономическим вопросам, актуальным для татарского общества (с.346-347). Само по себе выделение этапов представляется вполне убедительным, базируется на авторских материалах и выводах, однако его также следовало обозначить во вводной части работы.

Следует отметить стилистическую и содержательную «рыхлость» заключения, которое во многом представляет собой обобщение авторских выводов основной части диссертации.

Кроме того, навряд ли следовало указывать в числе научных публикаций диссертанта статью, размещенную на общественно-политическом портале «Islam today» (п.30 списка публикаций автореферата).

Для разъяснения некоторых положений диссертации рекомендуется ответить на следующие вопросы.

1. Представляется, что следовало более критично провести источниковедческий анализ национальной прессы на предмет степени объективности представленных в ней фактов и суждений. Специалистам хорошо известно, что на волне демократизации 1905-1907 годов в тюркоязычной прессе появлялись «заказные» материалы, которые служили интересам определенных групп и политически заряженных персоналий. К примеру, это касалось проблематики прав женщины-мусульманки. Учтен ли этот фактор при анализе материалов национальной прессы того периода?
2. Следовало подтвердить источниками утверждение о непопулярности выборов в Оренбургское магометанское духовное собрание ввиду низкой заработной платы сотрудников ведомства, и, как следствие, делается тезис об их низкой компетентности (с.233 диссертации). На чем основаны эти выводы?

3. В чем состоит научная новизна следующего положения, выносимого на защиту: «Татарские богословы поднимали и пытались решать богословские проблемы, которые были актуальны для социума конкретного исторического периода»? Следует ли понимать данное положение в контексте заключений современных российских исламоведов о том, что «для «булгарской» духовной истории гораздо более новым является то, что иджтихад и таклид понимались и использовались как методы общественной критики, так что правовая литература становилась средством в борьбе социальных интересов» (см.: Аликберов А.К., Бобровников В.О., Бустанов А.К. Российский ислам: Очерки истории и культуры. М.: Институт востоковедения РАН, 2018. С. 21)?
4. Исследователи (А.Бустанов, П.Сартори) также обращают внимание, что исламское обновленчество (одно из общепринятых наименований – джадидизм) в Российской империи конца XIX – начала XX вв. являло собой во многом типичный пример вхождения мусульман в эпоху модерна (современности). Как проект модерна, джадидизм «поклонялся» рационализму и не чурался обличения отдельных исламских норм и практик как «отсталых» и «нецивилизованных». Согласен ли диссертант с подобной трактовкой обновленчества? Как диссертант может трактовать подобные суждения с учетом результатов собственного исследования?
5. На с.343 утверждается, что влияние идей западных и русских мыслителей «было менее значимым, хотя и заметно, в трудах М.Бигиева, Р.Фахретдина, З.Камали, А.Кадыри». Абзацем ниже указано: «Несмотря на то, что идеи русских и европейских мыслителей стали доступны татарам только XIX в., они оказали значительное влияние на формирование реформаторских идей в татарской богословской мысли». Во-первых, предлагается пояснить, что является объектом сравнения («было менее значимым»). Во-вторых, необходимо разъяснить расхождение в оценках («было менее значимым» – «оказали значительное влияние»).
6. В диссертации утверждается, что применяемый историко-диахронный метод позволил «сформулировать прогноз относительно дальнейшего развития теологической мысли не только в Волго-Уральском регионе, но и в странах СНГ» (с.20). В чем заключается этот прогноз, и в каких исследованиях был представлен диссертантом научной обществу?

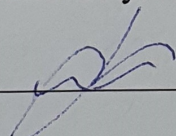
Несмотря на имеющиеся замечания, следует отметить, что цель диссертационной работы, связанная с определением вектора трансформации отечественного исламского богословия и роли богословов в становлении социокультурных и религиозных традиций татарского

общества во второй половине XVIII – начале XX века, достигнута. Диссертантом проведена значительная работа по выявлению, систематизации, обобщения методологических приемов и решений по частным вопросам исламского права, изложенным в трудах татарских богословов изучаемого периода. Работа носит междисциплинарный характер, базируется на оригинальных источниках. Рассматриваемая тема имеет важное прикладное общественно-политическое значение, так как связана с проблематикой текущих государственно-исламских отношений, адаптацией норм исламского права к российским правовым реалиям.

Диссертация соответствует паспорту специальности 5.6.1. (пункту 4 «История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов» и пункту 9 «История общественной мысли. Интеллектуальная история. Историческая имагология. История образования и образовательных институтов») и отвечает требованиям «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. №842, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук.

Официальный оппонент:

Профессор кафедры отечественной истории Института гуманитарных наук ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», доктор исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история, доцент

Гусева Юлия Николаевна

1 марта 2023 года

Адрес: 129226, г.Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д.4, к.1

Тел.: +7 902 324 82 54

Эл.почта: GusevaYuN@mgpu.ru

